

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 330.356.3

DOI: 10.26730/2587-5574-2024-1-81-91

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ

Абрамов А.О., Иванова Я.Я.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Информация о статье

Поступила:
15 февраля 2024 г.

Одобрена после рецензирования:
11 марта 2024 г.

Принята к публикации:
29 марта 2024 г.

Ключевые слова: экономическая безопасность, санкции, социальная безопасность, социальная группа, структурный сдвиг, налоговые стимулы.

Аннотация.

В статье рассмотрены социальные основы экономической безопасности, которые анализируются в комплексе структурных изменений национальной экономики в условиях усиления санкционного давления. Дано авторское понимание социальной безопасности как условия достижения прогресса в социальных отношениях и возрастания социального благополучия населения в процессе преодоления последствий отрицательных структурных сдвигов, возникших на начальном этапе рыночных преобразований. Показана связь потребности в формировании социальных основ экономической безопасности в России с преодолением последствий структурной десоциализации. Объект исследования – феномен социальной безопасности и его реализация в условиях российской экономики, предмет – формирование социальных групп и отношений, устойчивых к воздействию шоков и санкций и определяющих безопасное с экономической точки зрения развитие общества. Цель исследования – разработать основные положения формирования устойчивой социальной группы – «инновационного класса», деятельность которого определяет такие факторы экономической безопасности, как технологический суверенитет, обеспеченность современными ресурсами и финансовая самостоятельность государства. В связи с этим в статье представлены рекомендации по применению инструментов структурной политики государства, включая налоговые стимулы.

Для цитирования: Абрамов А.О., Иванова Я.Я. Социальные основы экономической безопасности в России // Экономика и управление инновациями. 2024. № 1 (28). С. 81-91. DOI: 10.26730/2587-5574-2024-1-81-91, EDN: LIXLOQ

SOCIAL FUNDAMENTALS OF ECONOMIC SECURITY IN RUSSIA

Artem O. Abramov, Yana Ya. Ivanova

Plekhanov Russian Economic University

Article info

Submitted:
15 February, 2024

Approved after reviewing:
11 March, 2024

Accepted for publication:
29 March 2024

Keywords:

Abstract.

The article examines the social foundations of economic security, which are analyzed in the complex of structural changes in the national economy in the context of increasing sanctions pressure. The author's understanding of social security is given as a condition for achieving progress in social relations and increasing the social well-being of the population in the process of overcoming the consequences of negative structural changes that arose at the initial stage of market transformations. The connection between the need to form the social foundations of economic security in Russia and overcoming the consequences of structural desocialization is shown. The object of the study is the phenomenon of social security and its implementation in the conditions of the Russian economy, the subject is the formation of social groups and relationships that are resistant to the effects of shocks and sanctions, and determine the development of society that is safe from an economic point of view. The purpose of the study is to develop the basic provisions for the formation of a stable social group – an “innovative class”, the activity of which

economic security, sanctions, social security, social group, structural shift, tax incentives.

is determined by such factors of economic security as technological sovereignty, the provision of modern resources and the financial independence of the state. In this regard, the article presents recommendations on the use of government structural policy instruments, including tax incentives.

For citation: Abramov A.O., Ivanova Ya.Ya. Social fundamentals of economic security in Russia. Economics and Innovation Management, 2024, no. 1 (28), pp. 81-91. DOI: 10.26730/2587-5574-2024-1-81-91, EDN: LIXLOQ

1 Introduction / Введение

Экономическая безопасность является сложным феноменом, определяющим важные аспекты хозяйственной деятельности и общественной жизни. Поскольку социальные индикаторы и достижения в экономической сфере являются конечной точкой приложения экономической политики, социальные процессы также выступают определяющими для безопасного экономического развития страны, что обуславливает их интеграцию в системе государственной экономической политики. Вместе с тем, в современной экономической теории и практике разработка мер социальной политики осуществляется во многом в отрыве от императива достижения долгосрочной экономической безопасности и необходимых структурных сдвигов, повышающих устойчивость экономики к санкциям со стороны недружественных стран.

Роль национального приоритета, которую играет экономическая безопасность, органически связана с другим приоритетным направлением развития общества – поступательным улучшением качества жизни населения и возрастанием социального благополучия, которое, будучи результатом совершенствования производительных сил, само создает долгосрочный фундамент экономического роста – не только через факторы совокупного спроса, но и через повышение производительности труда, улучшения качества рабочей силы, диффузию инновационной деятельности. Поэтому социальную основу экономической безопасности следует рассматривать как определенное качество всей системы национальной экономики, которое формирует весь комплекс возможностей по улучшению условий жизнедеятельности населения, реализации экономических интересов его различных групп, по удовлетворению общественного запроса на блага, характерные для постиндустриального общества – прогрессивное здравоохранение, современное образование, безопасный и производительный труд.

Иными словами, категория социальной безопасности раскрывается через формирование условий для стабильного и прогрессивного развития социальных отношений. Она сохраняет, укрепляет и обогащает качество социальных отношений, обеспечивая устойчивое развитие личности, общества и государства.

Применительно к российской экономике обращение многих исследователей [1, 2] к проблематике социальной основы экономической безопасности страны (или в более узком понимании к социальной безопасности) обусловлено тем, что в период быстрых рыночных преобразований 1990-х гг. негативные проблемы системной трансформации затронули сферу социальных отношений. Российская экономика столкнулась с падением уровня рождаемости, пенсий и заработных плат, снижением продолжительности жизни, распадом дореформенной системы здравоохранения, образования [3].

Стабилизация кризисных процессов потребовала от государства в 2000-х и 2010-х гг. значительных финансовых ресурсов, формирования новой перераспределительной системы и государственных социальных гарантий. К началу 2020-х гг. в российской экономике многие социальные конфликты, угрожавшие социальной безопасности в 1990-х гг., были разрешены, и общий рост качества жизни, стимулируемый как ускорением макроэкономической динамики, так и запуском ряда крупных социальных программ [4], снял ряд старых проблем, но актуализировал новые, такие как ухудшение экологической обстановки, сокращение трудоспособного населения. Воздействие экономики на общество может не только повысить уровень и качество жизни, но и вызвать т.н. «болезни цивилизации» – загрязнение окружающей природы и снижение биоразнообразия, снижение качества жизни из-за стрессов, массовую миграцию.

Социальная сфера, которая включает в себя социальные отношения и институты, находится в противоречивой связи с другими сферами экономики, в частности, с материальным производ-

ством, оказывая влияние на последнюю и во многом завися от занятости, заработных плат, условий и характера труда. Исследуя влияние социальных процессов на экономику и обратно применительно к экономической и социальной безопасности (частного случая первой), необходимо рассматривать их двустороннюю связь в структуре современных макро- и мезоэкономических процессов, связанных с равновесием на рынках факторов производства, прежде всего рынка труда, а также новых технологий и инноваций, высокотехнологичных услуг. Именно на них сегодня формируется тот уровень личного достатка и социального благополучия в общественном плане, который определяет все социальные показатели экономической безопасности. Обращение к структуре национальной экономики при анализе различных аспектов социальной безопасности означает вывод проблемы из плоскости социально-политических исследований и анализ альтернативных способов участия всего общества в использовании ограниченных ресурсов (социальные ограничения экономического роста).

Широко известно мнение ряда ученых-институционалистов по проблеме связи экономического развития и социальных процессов (Р. Буайе, Э. Бруссо, А. Кайе, О. Фавро): «... мы не можем обеспечить сколь-либо долгосрочные экономические эффекты, не создав длительно существующую, сильную и жизнеспособную политическую и этническую общность. В этом отношении политические и этнические элементы такой общности должны быть предпосланы экономическим – даже в решении экономических проблем, а сколь-либо устойчивая и жизнеспособная политическая общность, в свою очередь, не может существовать, не будучи на практике работающей социальной общностью, которая основана на разделяемых корневых ценностях и сходном понимании справедливости – короче говоря, которая является в то же время моральной общностью» [5]. Следовательно, социальные факторы экономического развития определяют не только макроэкономическую динамику как таковую, но и устойчивость ее ключевых компонентов к шок-вым воздействиям и кризисным явлениям, что и объясняет феномен экономической безопасности. При этом социальные факторы могут оказывать как стабилизирующее, так и дестабилизирующее воздействие на систему экономической безопасности, формируя особые угрозы развитию экономики и общества.

Задача обеспечения социальной безопасности как конечной составляющей национальной безопасности связана с такими условиями достижения прогресса в социальных отношениях, которые приведут в конечном итоге к соединению развития личности, государства и общества.

2 Materials and Methods / Материалы и методы

Социальная безопасность как феномен тесно связана с понятием благополучия населения, закрепленного в Конституции как важнейшая задача государства, которая, в свою очередь, достигается в ходе осуществления долгосрочных социально-экономических преобразований всей народнохозяйственной системы. Такие преобразования не могут не затрагивать структуру экономики, которые в период реформ приняли деградационный характер [6]. Это проявилось в выходе высокоинтеллектуальных социальных групп (ученых и преподавателей вузов, передовых инженеров, инноваторов и изобретателей) из состава кадровой элиты; в падении инвестиций в человеческий капитал; в дестимулировании интеллектуального научного и академического труда, инженерного творчества в противовес выгоде от поступления на государственную службу и частного предпринимательства; в потере наукой и образованием роли социальных лифтов.

Такие отрицательные сдвиги в социальной структуре российского общества послужили зарождению в системе воспроизводства человеческого капитала глубинного процесса, который ряд ученых назвали структурной десоциализацией – падением благополучия наиболее инновационно-активной социальной группы [7]. Это создает долгосрочную угрозу для экономической безопасности в целом и для социальной безопасности в частности, которая заключается в том, что в России образуется риск появления «квази-кастового» общества, когда современные социальные лифты, связанные с предпринимательством, научной деятельностью, инновационной деятельностью, действуют избирательно и в значительной степени номинально.

Исследования проблем социального благополучия в работах российских авторов связаны с анализом причин катастрофического ухудшения социально-экономических условий в 1990-х гг. и поиском путей их преодоления, в качестве которых в 2000-х гг. предлагались следующие:

1. Изменение институциональной структуры российской экономики в сторону трансформации общественного сознания от ожидания патерналистских усилий от государства в сторону

поддержки малого и среднего бизнеса с принципиально иными механизмами стимулирования высокопроизводительного труда и роста доходов [8].

2. Трансформация структуры собственности в процессе массовой приватизации и перехода к экономике рыночно-предпринимательского типа, в которой благополучие каждого гражданина и всего общества зависит от высвобождения предпринимательской активности (концепция «перехода от ортодоксального марксизма к ортодоксальному либерализму» [9].

3. «Перезагрузка» российской промышленности в 2000-х гг. в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры и далее в 2010-х по мере развития импортозамещения – финансовая стабилизация, рост рабочих мест, значительная «сервизация» экономики [10].

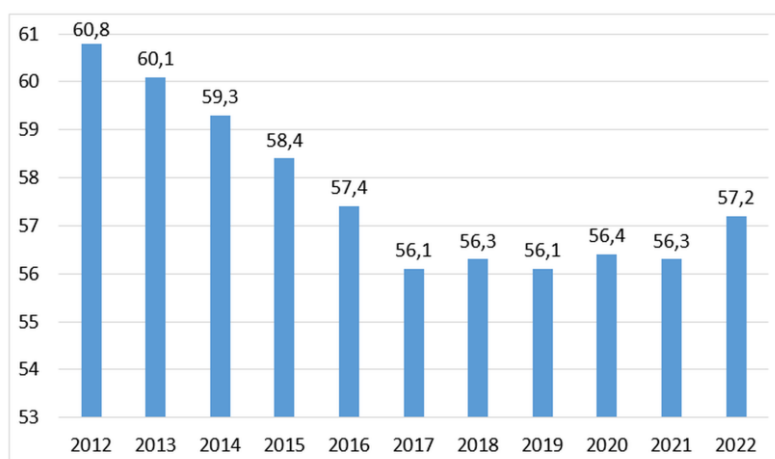

Рис. 1. Доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения, % (построено автором по данным [12])

Fig. 1. Share of the working age population in the total population, % (constructed by the author based on data from [12])

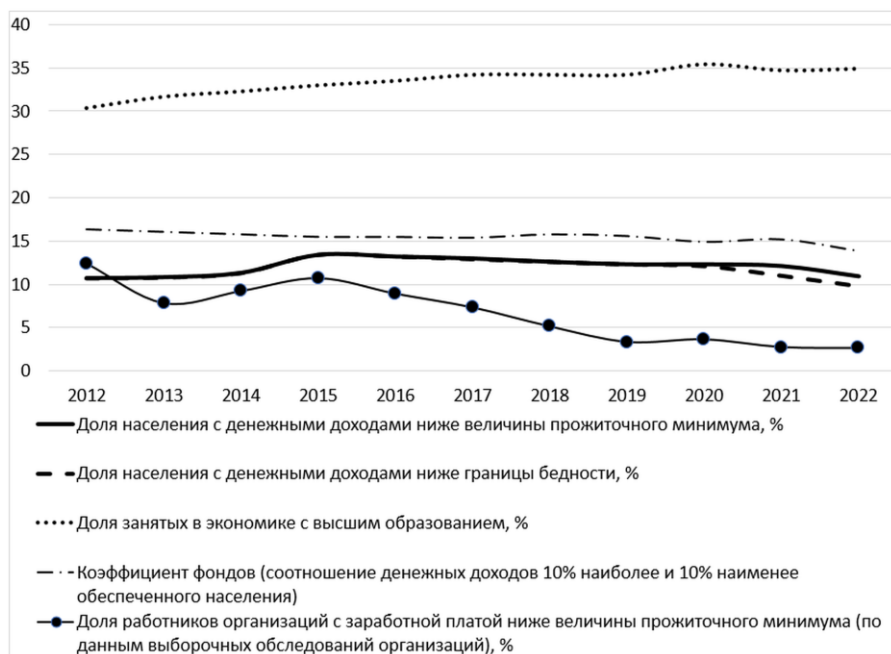

Рис. 2. Динамика отдельных социальных показателей экономической безопасности в России (построено автором по данным [13-17])

Fig. 2. Dynamics of individual social indicators of economic security in Russia (constructed by the author based on data from [13-17])

До конца 2010-х гг. сохранялось мнение о том, что эти процессы позволят «обойти» проблему структурной десоциализации экономики, сформировав новый средний класс, по параметрам социального благополучия соответствующий уровню стран Восточной Европы. Это во многом позволило бы значительно усилить социальную безопасность в российской экономике, однако этим ожиданиям не было суждено сбыться на всем протяжении постсоветского развития.

Об этом свидетельствует динамика основных индикаторов социальной безопасности, которые образуют «социальный блок» в Информации для анализа показателей состояния экономической безопасности Российской Федерации, публикуемой Росстатом (индикаторы 26, 27.1, 27.2, 37, 38, 39, 40) [11] – Рис. 1-3.

На графике Рис. 1 наглядно виден общий тренд сокращения доли трудоспособного населения в России, обусловленный демографическими процессами – с 2012 г. на 4,5% до минимума в 2017 г. и на 3,6% к 2022 г.

Анализ динамики социальных процессов, представленных на Рис. 2, свидетельствует о сохранении доли бедного населения на уровне 12-14% после некоторого роста в 2015 г. При этом доля работников с заработной платой ниже прожиточного минимума за 2012-2022 гг. снизилась в четыре раза до 3%. Это говорит о том, что значительная часть бедного населения в России представлена получателями социальных выплат, и за прошедшую декаду эта проблема кардинально не изменилась. На этом фоне доля занятых в российской экономике с высшим образованием выросла за данный период на 5%. Тем не менее, соотношение доходов 10% россиян с самыми высокими и низкими денежными поступлениями находится выше отметки в 15 раз, что значительно превышает критический уровень в 5 раз.

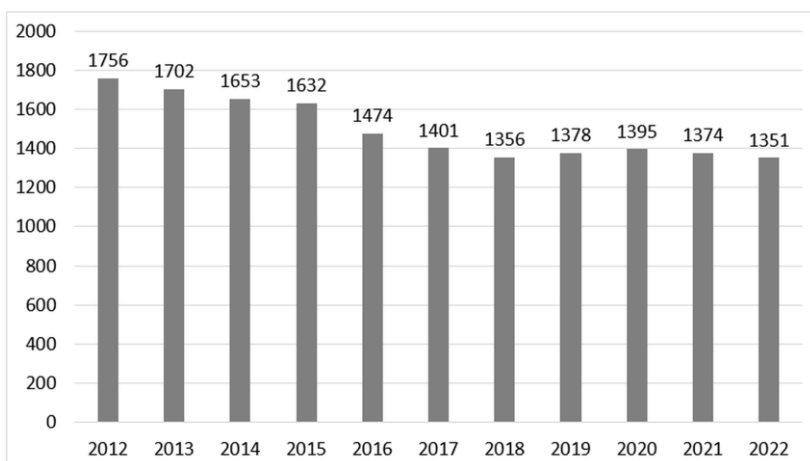

Рис. 3. Число преступлений на 100 тыс. населения (построено автором по данным [18])

Fig. 3. Number of crimes per 100 thousand population (constructed by the author based on data from [18])

Данные Рис. 3 свидетельствуют о постепенном устойчивом снижении уровня преступности в России – с 1756 до 1351 случаев на 100 тысяч человек за 2012-2022 гг. Тем не менее, с 2018 г. снижение уровня криминальной активности в стране практически остановилось.

Также важно проанализировать индикаторы социальной безопасности, не входящие в свод показателей Росстата (Рис. 4-6).

На Рис. 4 виден неустойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни в России, превышавший по данным Росстата отметку в 70 лет только в 2016-2020 гг. и в 2022 г. При этом отметка в 75 лет так и не была превышена, что определяет 122-е место России в ряду стран по данному показателю с отставанием от Мексики, Азербайджана, КНДР, Вьетнама [20, 21].

Данные Рис. 5 свидетельствуют об увеличении разрыва между коэффициентами смертности и рождаемости в России с 2017 г., вызванного как снижением коэффициента рождаемости на 3,5%, так и ростом коэффициента смертности на 3% за 2011-2021 гг.

Динамика прироста населения в России сопровождается снижением с 2015 г. коэффициента естественного прироста населения до отрицательных значений с 2017 по 2022 г. Напротив, коэффициент депопуляции с 2017 г. превысил пороговый уровень в 1 и далее постоянно возрастает.

Негативная динамика ряда индикаторов социальной безопасности в российской экономике обусловлена среди прочего негативными структурными изменениями на рынке труда, где на 2020 г. две трети работников были заняты в низкоквалифицированном труде при низком уровне безработицы [24]. Во многом это связано с затруднением перераспределения рабочей силы между секторами и отраслями экономики, в том числе в результате структурной десоциализации 1990-х гг., не преодоленной по сей день. В свою очередь, новые рабочие места, созданные в 2000-2010-х гг., в недостаточной степени отражают глобальные тренды повышения оплаты труда вследствие повышения его производительности [25].

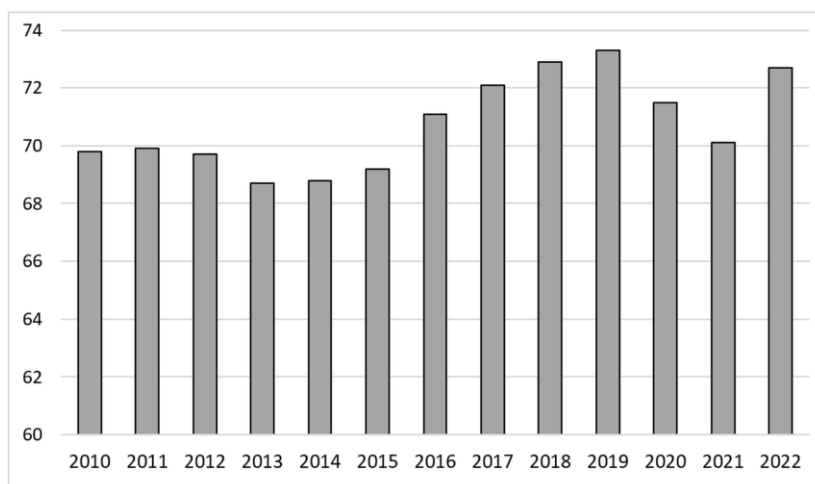

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России, лет (построено автором по данным [19])

Fig. 4. Life expectancy at birth in Russia, years (constructed by the author based on data from [19])

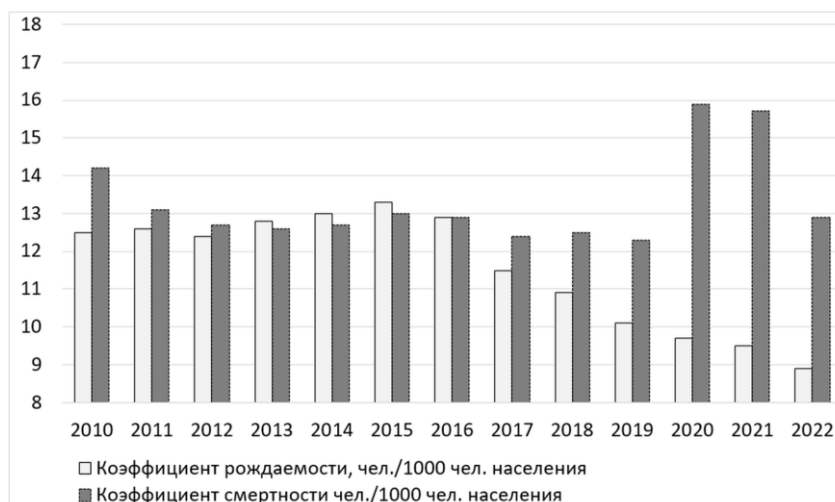

Рис. 5. Динамика рождаемости и смертности в России (построено автором по данным [22])

Fig. 5. Dynamics of fertility and mortality in Russia (constructed by the author based on data from [22])

3 Results and Discussion / Результаты и обсуждение

Ключевым инструментом усиления социальной безопасности в российской экономике определена социальная политика, напрямую нацеленная на возрастание благополучия и качества жизни населения благодаря использованию инструментов регулирования заработной платы, социальным трансфертам, мерам по охране труда и др. с учетом принципа справедливого распре-

деления доходов и доступа к общественным благам. Одной из комплексных и застарелых проблем рынка труда в России является снижение качества трудовых ресурсов – компетенции и квалификации, что негативно влияет не только на процессы производства и распределения общественного продукта, но и на социальную сферу и ее безопасное развитие. Во многом это обусловлено ухудшением качества профессионального образования и оттоком высококвалифицированных специалистов за рубеж.

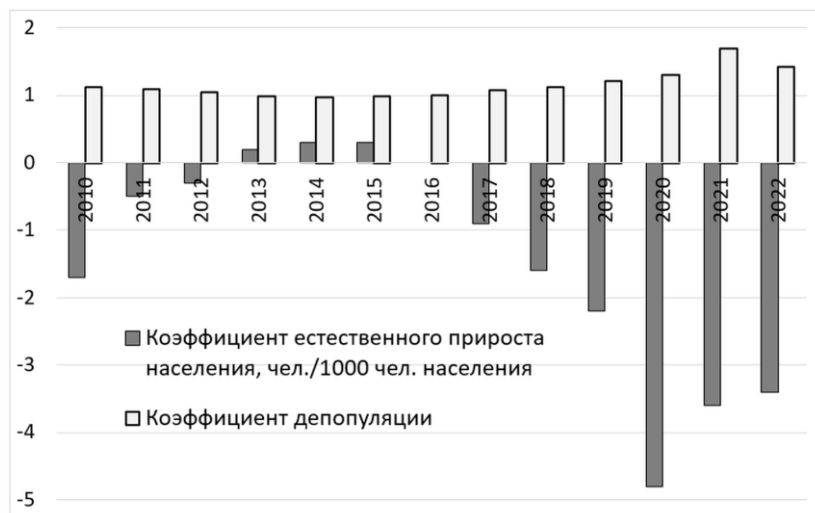

Рис. 6. Динамика коэффициентов естественного прироста и депопуляции населения в России (построено автором по данным [23])

Fig. 6. Dynamics of the coefficients of natural increase and depopulation of the population in Russia (constructed by the author based on data from [23])

Следовательно, радикально повысить социальное благополучие российских граждан без перехода к регулируемым структурным сдвигам не представляется возможным, поскольку для безопасного во многих смыслах развития российской экономики необходима устойчивая доминирующая социальная группа, занятая в высокопроизводительном труде и определяющая перспективы импортозамещения и технологического суверенитета – основы национальной экономической безопасности в условиях санкций со стороны недружественных стран. Тот факт, что ее субъекты – научные и академические работники, инженеры, изобретатели-инноваторы – не являются наиболее благополучными в социальном плане, подтверждается тем, что, составляя порядка 20% экономически активного российского населения, они располагают менее 10% от общей массы доходов [26].

Поэтому мы полагаем верным считать, что важным шагом к усилению социальной безопасности в современной российской экономике, испытывающей ограничительное воздействие внешних санкций, является формирование социальной группы, определяющей перспективы развития всей хозяйственной системы на ближайшую декаду – «инновационного класса», включающего как работников пост-индустриального типа занятости (главным образом в сегменте информационных технологий, по А. Тоффлеру [27]), но и занятых в высокотехнологичном секторе и НИОКР, а также всех работников с редкими компетенциями в промышленности, у которых нет доступных заменителей [28]. На российском рынке труда доля такого «инновационного класса» не превышает одной двадцатой от всех занятых [29], а наиболее благополучными социальными группами выступают госслужащие и работники финансового сектора, что характерно для доиндустриального этапа экономического развития общества.

Для повышения уровня социальной безопасности в условиях нарастания санкционного давления на российскую экономику целесообразно использовать ключевые механизмы формирования «инновационного класса» как устойчивой социальной группы:

1. Государственный заказ на массовую подготовку специалистов с постиндустриальными компетенциями в сквозных передовых производственных технологиях, радикально повышающих производительность труда до уровня Индустрии 4.0.

2. Создание системы государственных гарантий трудоустройства для выпускников вузов по специальностям, которые связаны с созданием и межотраслевой диффузией критических и сквозных передовых производственных технологий.

3. Предоставление налоговых льгот для разработчиков и инновационных предпринимателей, участвующих в создании российских передовых производственных технологий в сетевых кластерах:

- освобождение от уплаты налога на доходы физических лиц, занятых в научных исследованиях и инновационном предпринимательстве, а их работодателей – от отчислений в Социальный фонд России. На первом этапе такие налоговые льготы целесообразно предоставлять резидентам отечественных технологических платформ и инновационных кластеров, на втором этапе – на всех исследователей и разработчиков передовых производственных технологий уровня Индустрии 4.0;

- освобождение от уплаты НДФЛ и отчислений в Социальный фонд России для инженеров высшей квалификации, научных и академических работников с учеными степенями вне зависимости от отраслевой направленности исследований.

4. Введение обязательного требования по профессиональной переподготовке высококвалифицированных кадров в рамках проектов, поддерживаемых российскими и государственными фондами, поддерживающими научные исследования. Целесообразно законодательно установить нормативы инвестиций в человеческий капитал в рамках проектов государственной поддержки научных исследований и инновационной деятельности.

Таким образом, формирование социальных основ экономической безопасности в российской экономике не должно ограничиваться мерами социальной политики, а включать инструменты регулирования структурной трансформации.

4 Conclusion / Заключение

Системное качество социальной основы экономической безопасности, которая формирует условия для стабильного и прогрессивного развития социальных отношений, определяет комплексный подход к ее укреплению. В условиях усиления санкционного давления со стороны недружественных стран одних мер перераспределительной социальной политики явно недостаточно для устойчивого развития общества с выходом на высокие стандарты качества жизни. Необходимо использование мер структурной политики в отношении формирования социальных групп – «локомотивов» развития экономики и общества в XXI в., определяющих экономическую безопасность страны по таким направлениям, как технологический суверенитет, обеспеченность современными ресурсами и финансовая самостоятельность государства. Такой социальной группой призван стать «инновационный класс», состоящий из ученых и академических работников, высококвалифицированных сотрудников, изобретателей и инноваторов, которые должны сформировать новую национальную элиту. Для ее создания и расширения необходимо задействовать широкий спектр инструментов структурной политики государства, включая налоговые стимулы.

Список источников

1. Никулина М.А., Колодиев М.Ю. Социальная безопасность в Российской Федерации: критерии, угрозы, направления обеспечения // Манускрипт. – 2017. – №4 (78). – С. 152-157.
2. Манукян А.В. Социальная безопасность и эффективность ее обеспечения органами государственной власти в России // Теория и практика общественного развития. – 2017. – №6. – С. 1-3.
3. Шахбанов А.М. Особенности государственной социальной политики в 90-е гг. Хх // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №11. – С. 1-5.
4. Чупина И.П., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н. Современные государственные социальные программы в Российской Федерации // Аграрное образование и наука. – 2020. – №3. – С. 18-23.
5. Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. – 2008. – №3. – С. 17-25.
6. Слесаренко Е.В. Социально-экономические последствия структурной деградации российской экономики // Экономика и общество. – 2017. – №3 (3). – С. 75-83.
7. Гасанов М.А., Егорова М.С. Приоритеты преодоления структурной десоциализации и формирование социального благополучия в России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 10 (часть 2) – С. 58-61
8. Клейнер Г.Б. Эволюция экономических институтов в России. – М.: Наука, 2004. – 268 с.

9. Валлерстайн И. Анализ мировых систем в современном мире / пер. с англ. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 386 с.
10. Скобелев Д.О. Перегрузка промышленной политики: социально-экологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – №48. – С. 344-357
11. Росстат. Информация для анализа показателей состояния экономической безопасности Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok-bezopasn.htm> (последнее обращение: 21.01.2024).
12. ЕМИСС. Структура численности постоянного населения на начало года (на 1 января) по полу и возрастным группам. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43219?> (последнее обращение: 21.01.2024).
13. ЕМИСС. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33460?> (последнее обращение: 21.01.2024).
14. Росстат. Официальная статистика. Раздел: «Население. Неравенство и бедность». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (последнее обращение: 21.01.2024).
15. Росстат. Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (последнее обращение: 21.01.2024).
16. ЕМИСС. Коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения). URL: <https://fedstat.ru/indicator/31170> (последнее обращение: 21.01.2024).
17. Росстат. Доля работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения по субъектам Российской Федерации (по данным выборочных обследований организаций за апрель; в процентах). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3-3-1_2023.doc (последнее обращение: 21.01.2024).
18. Российский статистический ежегодник. 2023: Стат. сб. – М.: Росстат, 2023. – 701 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2023.pdf (последнее обращение: 21.01.2024).
19. Росстат. Демография. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (мужчины и женщины, низкой прогноз). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (последнее обращение: 21.01.2024).
20. Росстат. Официальная статистика. Разделы «Население», «Демография». URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo26.xlsx> (последнее обращение: 21.01.2024).
21. РБК. Плюс три года из 1990-х. Росстат зафиксировал рекордный прирост продолжительности жизни. 26.03.2023. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/03/27/641f04989a7947c736e37524> (последнее обращение: 21.01.2024).
22. Росстат. Демография. Естественное движение населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (последнее обращение: 21.01.2024).
23. Росстат. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2023/06-26/mE1KNOsZ/tab-2_2022.xlsx (последнее обращение: 21.01.2024).
24. Шохина Е. Почти половина работников в России не соответствует должностным требованиям // Ведомости. – 2020. – 15 декабря. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/12/15/851108-polovina-rabotnikov> (последнее обращение: 21.01.2024).
25. Лепя Р.Н., Трубочанин В.В., Савченко И.В. Парадоксы производительности труда и заработной платы: мировые тренды и отечественные реалии // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. № 4. URL: <https://esj.today/PDF/47ECVN423.pdf> (последнее обращение: 21.01.2024).
26. Бутаева К.О. К вопросу о распределении денежных доходов населения России // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – №2 (200). – С. 120-126.
27. Toffler A. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. - N.Y., 1990. – 360 p.
28. Clement W. Myles J. Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies. - Montreal, 1994. – 288 p.
29. Головляница Е.Б. Инновационен ли российский средний класс? Особенности профессиональной структуры и трудовых ценностей среднего класса накануне кризиса // Мир России. Социология. Этнология. – 2009. – №4. – С. 31-47.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© 2024 Авторы. Издательство Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева. Эта статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Авторы

Абрамов Артем Олегович – студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36
E-mail: ezdraz@list.ru

Иванова Яна Яковлевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов устойчивого развития
 Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
 117997, Москва, Стремянный переулок, д. 36
 E-mail: Ivanova.YY@rea.ru

References

1. Nikulina M.A., Kolodiev M.Ju. Social'naja bezopasnost' v Rossijskoj Federacii: kriterii, ugrozy, napravlenija obespechenija [Social security in the Russian Federation: criteria, threats, directions of provision]. Manuscript. 2017. Vol. 4 (78). pp. 152-157.
2. Manukjan A.V. Social'naja bezopasnost' i jeffektivnost' ee obespechenija orga-nami gosudarstvennoj vlasti v Rossii [Social security and the effectiveness of its provision by government authorities in Russia]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija = Theory and practice of social development. 2017. Vol. 6. ppS. 1-3.
3. Shahbanov A.M. Osobennosti gosudarstvennoj social'noj politiki v 90-e gg. [Features of state social policy in the 90s XX century]. Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija = Theory and practice of social development. 2012. Vol. 11. pp. 1-5.
4. Chupina I.P., Zarubina E.V., Simachkova N.N. Sovremennye gosudarstvennye social'nye programmy v Rossijskoj Federacii [Modern state social programs in the Russian Federation]. Agrarnoe obrazovanie i nauka = Agricultural education and science. 2020. Vol. 3. pp. 18-23.
5. Boyer R., Brousseau E., Kaye A., Favreau O. K sozdaniju institucional'noj politicheskoj jekonomii [Towards the creation of institutional political economy]. Jekonomicheskaja sociologija = Economic sociology. 2008. Vol. 3. pp. 17-25.
6. Slesarenko E.V. Social'no-jekonomicheskie posledstviya strukturnoj degradacii rossijskoj jekonomiki [Socio-economic consequences of the structural degradation of the Russian economy]. Jekonomika i obshhestvo = Economy and Society. 2017. Vol. 3 (3). pp. 75-83.
7. Gasanov M.A., Egorova M.S. Prioritety preodolenija strukturnoj desocializacii i formirovanie social'nogo blagopoluchija v Rossii [Priorities for overcoming structural desocialization and the formation of social well-being in Russia]. Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij = International Journal of Applied and Fundamental Research. 2014. Vol. 10 (chast' 2) pp. 58-61
8. Kleiner G.B. Jevoljucija jekonomicheskikh institutov v Rossii [The evolution of economic institutions in Russia]. Moscow: Nauka = Science, 2004. 268 p.
9. Wallerstein I. Analiz mirovyh sistem v sovremennom mire / per. s angl [Analysis of world systems in the modern world / trans. from English]. St. Petersburg: Universitetskaja kniga = University Book SPb, 2001. 386 p.
10. Skobelev D.O. Perezagruzka promyshlennoj politiki: social'no-jekologicheskie aspekty [Rebooting industrial policy: social and environmental aspects]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economy. 2019. Vol. 48. pp. 344-357
11. Rosstat. Informacija dlja analiza pokazatelej sostojanija jekonomicheskoi bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Information for analyzing indicators of the state of economic security of the Russian Federation]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pok-bezopasn.htm> (last access: 21.01.2024).
12. EMISS. Struktura chislennosti postojannogo naselenija na nachalo goda (na 1 janvarja) po polu i vozrastnym grup-pam [Structure of the resident population at the beginning of the year (January 1) by gender and age groups]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43219?> (last access: 21.01.2024).
13. EMISS. Chislennost' naselenija s denezhnymi dohodami nizhe velichiny pro-zhitochnogo minimuma, v procentah ot obshhej chislennosti naselenija [The population with monetary incomes below the subsistence level, as a percentage of the total population]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33460?> (last access: 21.01.2024).
14. Rosstat. Oficial'naja statistika. Razdel: «Naselenie. Neravenstvo i bednost'» [Official statistics. Section: "Population. Inequality and poverty"]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (last access: 21.01.2024).
15. Rosstat. Itogi vyborochnogo obsledovanija rabochej sily [Results of a labor force sample survey]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265> (last access: 21.01.2024).
16. EMISS. Koefficient fondov (sootnoshenie denezhnyh dohodov 10% naibo-lee i 10% naimenee obespechennogo naselenija) [Funds ratio (the ratio of cash incomes of the top 10% and bottom 10% of the population)]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31170> (last access: 21.01.2024).
17. Rosstat. Dolja rabotnikov organizacij (bez sub#ektov malogo predprinima-tel'stva) s nachislennoj zarabotnoj platoj nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma trudospособnogo naselenija po sub#ektam Rossijskoj Federacii (po dannym vy-boroch-nyh obsledovanij organizacij za april'; v procentah) [The share of employees of organizations (excluding small businesses) with accrued wages below the subsistence level of the working-age population in the constituent entities of the Russian Federation (according to sample surveys of organizations for April; in percent)]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3-3-1_2023.doc (last access: 21.01.2024).
18. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 2023: Stat. sb. [Russian statistical yearbook. 2023]. Moscow: Rosstat, 2023. 701 p. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2023.pdf (last access: 21.01.2024).
19. Rosstat. Demografija. Ozhidaemaja prodolzhitel'nost' zhizni pri rozhdenii (muzhchiny i zhenshhiny, nizkoj prognoz) [Demography. Life expectancy at birth (men and women, low forecast)]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (last access: 21.01.2024).

20. Rosstat. Oficial'naja statistika. Razdely «Naselenie», «Demografija» [Official statistics. Sections "Population", "Demography"]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo26.xlsx> (last access: 21.01.2024).
21. RBC. Pljus tri goda iz 1990-h. Rosstat zafiksiroval rekordnyj prirost prodolzhitel'nosti zhizni [Plus three years from the 1990s. Rosstat recorded a record increase in life expectancy]. 26.03.2023. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/03/27/641f04989a7947c736e37524> (last access: 21.01.2024).
22. Rosstat. Demografija. Estestvennoe dvizhenie naselenija [Demography. Natural population movement]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (last access: 21.01.2024).
23. Rosstat. Rozhdaemost', smertnost' i estestvennyj prirost naselenija po sub#ektam [Fertility, mortality and natural population growth by region]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2023/06-26/mE1KNOsZ/tab-2_2022.xlsx (last access: 21.01.2024).
24. Shokhina E. Pochti polovina rabotnikov v Rossii ne sootvetstvuet dolzhnost-nym trebovanijam [Almost half of workers in Russia do not meet job requirements]. Vedomosti. 2020. 15 December. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/12/15/851108-polovina-rabotnikov> (last access: 21.01.2024).
25. Lepa R.N., Trubchanin V.V., Savchenko I.V. Paradoksy proizvoditel'nosti truda i zarabotnoj platy: mirovye trendy i otechestvennye realii [Paradoxes of labor productivity and wages: global trends and domestic realities]. Vestnik evrazijskoj nauki = Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. Issue 4. URL: <https://esj.today/PDF/47ECVN423.pdf> (last access: 21.01.2024).
26. Butaeva K.O. K voprosu o raspredelenii denezhnyh dohodov naselenija Rossii [On the issue of distribution of monetary income of the Russian population]. Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii = Living standards of the population of Russian regions. 2016. Vol. 2 (200). pp. 120-126.
27. Toffler A. Powershift. Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. N.Y., 1990. 360 p.
28. Clement W. Myles J. Relations of Ruling: Class and Gender in Postindustrial Societies. Montreal, 1994. 288 p.
29. Golovljanicina E.B. Innovacionen li rossijskij srednij klass? Osobenno-sti professional'noj struktury i trudovyh cenostej srednego klassa nakanune krizisa [Is the Russian middle class innovative? Features of the professional structure and labor values of the middle class on the eve of the crisis]. Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija = World of Russia. Sociology. Ethnology. 2009. Vol. 4. pp. 31-47.

Conflicts of Interest

The authors declare no conflict of interest.

© 2024 The Authors. Published by T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University. This is an open access article under the CC BY license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Authors

Artem Abramov – Master Student
Plekhanov Russian University of Economics
117997, Moscow, 36 Stremyanny lane
E-mail: ezdraz@list.ru

Yana Ivanova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Sustainable Development Finance
Plekhanov Russian University of Economics
117997, Moscow, 36 Stremyanny lane
E-mail: Ivanova.YY@rea.ru

